

В.И. Лавренов, Тверь
ТВЕРСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА
конца XIV-XV веков

Русская геральдика в своем становлении прошла несколько этапов: 1. Конец XIV – конец XV вв. – формирование русской геральдики, основание которой заложено в эмблематике монет, печатей и памятников декоративно-прикладного искусства удельного периода. В XV в. посявляется тенденция к символизации идеи власти и как таковой, и наделенной определенными чертами территориального и национально-государственного характера. 2. XVI–XVII вв. – возникновение и развитие территориально-титულных эмблем, их постепенная геральдизация и выполнение, главным образом, роли представления громкого титула русского государя. 3. XVIII–XIX вв. – формирование "имперского стиля" русской геральдики, выполнение ею функции внешнего оформления национально-государственной идеологии.

Нижний хронологический рубеж первого этапа обусловлен следующими обстоятельствами: началом монетной чеканки в крупных политических центрах (Москва, Тверь, Новгород, Псков и др.), и появлением на монетах и печатях государей ряда изображений светского характера. Конечно, не все знаки являются гербами в полном смысле этого слова и в соответствии с более развитой европейской геральдической традицией. Тем не менее, устойчивый характер ряда изображений на протяжении длительных промежутков времени, определенная иерархия знаков и цветовой гаммы, функции представления, обозначения власти, что свойственно геральдическим символам, позволяют предполагать, что в русском обществе их считали таковыми.

Соответственно предложенной выше периодизации, тверская геральдика как система знаков, объединенных общностью территории, назначения и содержания, также имеет три крупных этапа: Период независимости (XIV – 1485 гг.); Период московского царства (XVI – XVII вв.); Период российской империи (XVIII–XIX вв.). Подобная схема довольно удобна для обозначения вех региональной истории и подкреплена соответствующему каждому периоду кругом источников.¹

Период независимости (1247–1485 гг.) обеспечен источниками довольно неравномерно. По традиции основными геральдическими источниками являются печати, монеты, памятники декоративно-прикладного искусства. Все известные памятники довольно плавно укладываются в две крупные для Твери эпохи: 1. Борьба с Москвой за главенство в объединительном процессе (борьба за великое Владимировское княжение) до 1380-х гг.; 2. Обеспечение независимости Твери, существующей как самостоятельное политическое образование наряду

с Москвой (конец XIV–XV вв.). Ранний период представлен печатями тверских великих князей с религиозной эмблематикой, характерной для русской сфрагистики XIII – первой половины XIV вв. Среди этой группы памятников наиболее интересна печать Михаила Ярославича Тверского с изображением архангела Михаила с крестом и державным яблоком в руках как знаков власти.² Образ архангела Михаила был весьма популярен в Твери. Этому свидетельствуют и изображения на двух змеевиках из собрания А. С. Уварова. На лицевой стороне – рельефное изображение в рост архангела Михаила с мерилом с круглым навершием и зеркалом (сферой и лабарумом). Мерило завершается прямоугольным навершием и имеет высоту, равную фигуре архангела. Зерцало в виде круга, – архангел держит в левой руке. Крылья широко развернуты и имеют перистую разделку.³ Архангел Михаил по всей видимости изображался на тверских стягах, чему свидетельствуют глухие упоминания источников.⁴

На печати 70-х гг. XIV в. великого тверского князя Михаила Александровича изображено четвероногое животное влево с поднятой правой лапой и загнутым вверх хвостом, оканчивающимся стреловидным наконечником.⁵ Подобное изображение позднее, в первой четверти XV в. характерно для новгородской сфрагистики. Две трети новгородских печатей носят на себе аналогичное изображение, называемое "лютым зверем". По мнению Н. П. Лихачева, эту эмблему можно считать "почти гербом" Новгорода.⁵ Изображение "лютого зверя" на новгородских печатях вызывало множество толкований. Его называли "фантастическим зверем", "барсом", "животным вроде тигра", "грифоном", "львом".⁶ Сфрагистическая и геральдическая задачи определения зверя, изображенного на печатях Новгорода, Твери, тесно связаны с разрешением лингвистической проблемы: какое животное называлось в древнерусском языке "лютым зверем". Эту проблему успешно решил И. Э. Клейненберг в специальной работе, посвященной новгородской сфрагистике.⁷ На основании лексикографических и иконографических данных исследователь пришел к выводу, что в течение нескольких веков в разных землях, словосочетанием "лютый зверь" называли льва.⁸ Таким образом, на печати великого тверского князя Михаила Александровича изображен лев – "лютый зверь". Аналогичное печати изображение представлено на бронзовом перстне XIV – XV вв., который может быть отнесен ко времени правления Михаила Александровича.⁹ Кроме того, найденные в Твери фрагменты белокаменных масок, позволяют предполагать наличие на фасадах храма Спаса Преображения резной декорации. В ризнице собора хранились древние ткани, на которых были "вышиты золотом грифы и чудовищные птицы", свидетельствующие об интересе к звериной орнаментике в ранней Твери.¹⁰ Появление льва как геральдической эмблемы владими́ро-суздальских князей домонгольского периода было замече-

но еще академиком А. И. Соболевским.¹¹ А. И. Некрасов склонен был считать изображение льва родовым знаком владими́ро-суздальских князей, и даже их гербом.¹² Археолог А. В. Арциховский считал знак льва "зачатком княжеских гербов, зародившихся в домонгольское время."¹³ На рубеже XIV–XV вв. подчеркивание прерогатив великого владимирского князя как через ханский ярлак, так и через геральдический знак льва, было довольно важным символом общерусской политической программы.¹⁴ В ситуации московско-тверских войн второй половины XIV в. и получения Михаилом Александровичем ярлыка на великое владимирское княжение, изображение льва на его печати вполне соответствовало престижности его значения и характеристике самого князя: "яко бе муж страшен и сердце его яко сердцу лву."¹⁵

К концу XIV в. Тверь окончательно проиграла Москве соревнование за главенство на Руси. С этого времени уже четко проявляется стремление Твери идти собственным, независимым от Москвы путем. Начавшийся при Михаиле Александровиче процесс внутренней концентрации княжества, ставил Тверь более независимо по отношению к Москве и великому княжению вся Руси.¹⁶ В XV в. довольно четко проявилось разделение исторических перспектив Москвы и Твери. Если Москва усвоила идею "земли русской", переняв важную часть киевской политической традиции, то Тверь искала пути обоснования значения Твери и "земли Тверской" как одного из государств Руси. Эта самодержавная независимость последовательно и четко реализуется как в актовых документах и публицистике XV в., так и в целом комплексе новых геральдических символов.¹⁷

Печати тверских князей XV в. демонстрируют нам новый тип знаков: изображение всадника на коне, вооруженного мечом. Наиболее интересна печать князя Михаила Борисовича (1462 г.) с рисунком всадника, поражающего дракона.¹⁸ Светский характер знаков говорит о символизации личности князя, его власти, знатности и независимости. В рисунках печатей наблюдаются довольно близкие аналогии с литовской "погоней", что вполне могло иметь место как результат особых литовско-тверских отношений. Важным источником по геральдике являются тверские монеты, поддерживающие традицию светского характера княжеской эмблематики XV в. Разнообразие монетных типов вписывается в пределы почти столетия независимого существования Твери. Анализ иконографических особенностей изображений на монетах XV в. показывает преобладание светских мотивов (мифологических, бытовых, политических), нередко, отражающих региональную идущую власти. Именно монетные типы XV в. вплотную подводят нас к становлению геральдики как отражению в знаках и символах феодальной идеологии. Символический язык изображений на тверских моне-

тах занимает место между исторической миниатюрой, реально отражающей идею власти, и иносказательными мотивами декоративно-прикладного искусства.¹⁹ Среди сюжетов тверских монет важно отметить следующие группы:

1. Изображение воина-князя с различными предметами вооружения (копье, меч, щит, сабля, топор) и знаками власти (жезл, корона, престол). Эти сюжеты следует рассматривать как представление о власти князя в реальном образе правителя, воина, судьи и т. д.

2. Изображения символические (сцены охоты, борьбы человека и животного). Помимо реальной бытовой сцены, подобные рисунки можно трактовать как отражение борьбы князя с политическими врагами. В этом смысле, то или иное изображение можно "привязать" к конкретному историческому событию.

3. Мифологическая символика представлена так называемой "Гераклеадой" и изображениями грифонов, кентавров, единорогов и т. д. Попытки "прочитать" некоторые тверские монеты в контексте греческой мифологии, уже были предприняты рядом отечественных историков.²⁰ В этой группе знаков наиболее интересны изображения кентавра, грифона и единорога. Символ кентавра связан с представлениями о нем как о свободолюбивом и воинственном существе. Самый ранний тип "тверского кентавра" в политической символике, — это "крылатый кентавр (китоврас-?) влево, держащий обеими руками копье или меч". Рисунок кентавра этого типа помещен на оборотной стороне городской монеты великого тверского князя Ивана Михайловича (1399–1425). На лицевой стороне монеты помещено изображение "всадника с занесенным мечом вправо."²¹ Этот тип кентавра известен по керамике и миниатюрам XV–XVI вв., и связывается с феодальной эмблематикой.²² Совмещение на одной монете вооруженного всадника и кентавра указывает на определенную связь с литовской геральдикой. В текстах западнорусских летописей, описывающих легендарную историю Литвы, есть сведения о замене герба "Китаурас" или "Китоврас" на литовский вариант ездца "погоня". Эта замена отражает этап вытеснения эпическим героем героя мифического в эмблематике периода образования независимого государства.²³ Сопоставление с письменными источниками говорит о смешанном влиянии античных и национальных сказочных сюжетов на образ кентавра. Грифон играл важную роль в светской символике и символизировал добрые, охранительные силы. Изображения грифонов известны по многим памятникам скифов, староболгарского искусства. В Византии грифон очень рано проник в светскую эмблематику. Начальники воинских дружин имели знаки грифона своими символами и даже назывались "грифами". Постепенно, грифон стал эмблемой кесарского чина в Византии. В западно-европейской геральдике и

эмблематике в грифоне на первый план стали выходить его устрашающие черты, подчеркивающие его хищный характер. Это связано как раз с тем, что европейская геральдика в основании своем имеет начало личное. В русской культурно-исторической среде грифон (в славянской традиции – "наг") сохранил охранительно-покровительственный характер²⁴ Еще в памятниках дохристианской Руси известно его почетное положение рядом с княжеской тамгою, например, на турьем роге из Черной могилы в Чернигове²⁵ Во владимиро-суздальской эмблематике грифон занимает второе место после льва по числу изображений, что говорит о внимании княжеской власти к его образу²⁶ Судьба эмблемы грифона проявилась в памятниках тверской нумизматики и декоративно-прикладного искусства. Охранительный характер грифона, его связь с сюжетом полета Александра Македонского на небо, можно предположить в рисунках кувшина с эмблематическими клеймами середины XV в., найденном при раскопках Тверского кремля²⁷ Поэтому символика грифона выполняла ту же политико-прокламативную функцию преемственности Тверью как государственных, так и культурно-исторических традиций Владимиро-Суздальской земли, где грифон имел победный, триумфальный характер.

4. Изображения птиц и четвероногих животных. Не все рисунки на монетах поддаются видовому определению, и могут быть отождествлены с хищником, львом, орлом, цаплей, голубем и т. д. Эта группа очень близка декоративному искусству Владимиро-Суздальской Руси. Изображение льва на монетах в моменты противостояния двух общерусских центров, не только поднимало ранг монетного чекана, но и носило определенный характер средства политической борьбы.

Подобная групповая классификация довольно условна. До сих пор не расшифрована семантика большинства изображений, которые вполне могли дополнять или заменять друг друга. Довольно важным фактом является наличие одних и тех же сюжетов как на серебряных, так и на медных монетах. В тверской геральдике периода независимости особое место занимает символика двуглавого орла на монетах великого князя Михаила Борисовича (1462–1485).²⁸ В отечественной литературе этот факт рассматривался либо как обозначение вассалитета Твери по отношению к Москве, либо как заимствование Тверью восточной (ордынской) эмблематики.²⁹ Сразу следует оговориться, что некоторые отечественные историки считают возможным чеканку монеты с двуглавым орлом в Твери уже в первой четверти XV в., как символ особой региональной идеологии.³⁰ Появление двуглавого орла в тверской геральдике может иметь несколько объяснений. Во-первых, как знака власти, знакомство с которым (в этом качестве) состоялось еще во время княжения Ивана Михайловича, как результат преобладания западных контактов Твери. Во-вторых, как своеобразного родового символа. Тверские князья, по-видимому, состояли в

родстве со Св. Михаилом Черниговским, да и вообще, слишком много общего в орнаментике, знаковой системе Твери с Черниговской традицией.³¹ В Чернигове на стенах каменных палат Борисоглебского Собора, сооруженного в 1123 г., как усыпальницы черниговских князей, было помещено высеченное изображение двуглавого орла.³² Позднее, в геральдике Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой, эмблемой Чернигова был черный двуглавый орел.³³ Лишь с вхождением украинских земель в состав Российского государства, черниговский орел "потерял" одну голову.³⁴ Подобная схема появления в Твери двуглавого орла может существовать как гипотеза.

Таким образом, тверская геральдика периода независимости находит в ряде сюжетов близкие аналоги в искусстве Чернигова и Владимира. Со второй половины XIV в. и в начале XV в. в Твери вполне осязательные романизирующие тенденции эмблематики. Длительные контакты с Литвой наложили отпечаток на художественную культуру орнаментики и символики. В 30–50-е гг. XV в. тверская культура переориентировалась на "греческий стиль" Афонских монастырей, что объясняется изменением политической ситуации в Литве, Москве и Твери.³⁵ В целом, тверская геральдика XV в. и предшествующие ей изображения на печатях тверских князей XIV в., являются самобытной формой развития владими́ро-суздальского культурно-исторического и политического наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Лавренов В. И. Тверская геральдика XV–XIX веков (в печати).
2. См. рисунок печати: Лавренов В. И. Герб Твери. История эмблемы и символа. — Тверь, 1994. — С. 3. — Рис. 1.
3. Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. — М., 1991. — С. 53.
4. Борзаковский В. С. История Тверского княжества. — СПб., 1876. — С. 152; ПСРЛ. — Т. 15. — СПб., 1863. — Стб. 432.
5. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. — М., 1970. — Т. 2. — № 423. — С. 166–167.
6. См. об этом: Клейнберг И. Э. "Лютый зверь" на печатях Великого Новгорода XV века // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1969. — Вып. 2. — С. 176–187; Любачев Н. П. Печати Великого Новгорода, его посадников и тысяцких. Архив АН СССР. Ф. 246. оп. 1. № 123. л. 88. (Цит. по: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. — М., 1963. — С. 86. — Прим. 4).
7. Клейнберг И. Э. Указ. соч.
8. Там же. — С. 188.
9. Жизневский А. К. Описание тверского музея. Археологический отдел. — М., 1888. — С. 161.
10. Воронин Н. Н., Лазарев В. Н. Искусство среднерусских княжеств XIII–XV веков // История русского искусства. — Т. 3. — М., 1955. — С. 21.
11. Соболевский А. И. Медные врата // Русская икона. — СПб., 1914. — Сб. 1. — С. 60.

12. Некрасов А. И. Из владими́ро-суздальских впечатлений // Среди коллекционеров. — 1924. — № 5—6. — С. 38—39; Он же: О гербе суздальских князей // Сборник Отдела русского языка и словесности АН СССР. — Л., 1928. — Т. 1. — Вып. 3. — С. 406—409; Необходимо отметить, что против этого утверждения резко выступил Н. П. Лихачев, приводивший аргументированные возражения (См.: Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. — Л., 1930. — Вып. 2. — С. 269).

13. Ариховский А. В. Древнерусские областные гербы // Уч. зап. МГУ. — 1946. — Вып. 93. — Кн. 1. — С. 53—55.

14. Янин В. Л. Актовые печати... С. 22—23, 37—38; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство) — М., 1981. — С. 133—134.

15. Борзаковский В. С. Указ. соч. — С. 173.

16. Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетия. — Пг., 1918. — С. 348.

17. См. об этом: Клог Э. Княжество Тверское (1247—1485). — Тверь, 1994. — С. 316—325; Рубцов М. В. Деньги великого княжества Тверского. — Тверь, 1904. — С. 224; Лавренов В. И. Росийский государственный орел. История эмблемы и символа // Гербовед. — 1992. — № 2. — С. 16; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. — М—Л., 1960. — С. 391.

18. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. — М—Л., 1950. — № 63. — С. 573; Изображение печати см.: Лавренов В. И. Герб Твери. — С. 5; Сахаров И. Записки о русских гербах. Ч. 1. Московский герб. — СПб., 1856. — С. 23.

19. См. об этом: Чернецов А. В. Феодальная эмблематика в чекане русских городов XIV—XV вв. // Славянская археология. Труды V Международного Конгресса. Киев. 18—25 сентября 1985 г. — М., 1987. — Т. III. — С. 144—152; Он же: Феодальная светская эмблематика XIV—XV вв. Автореф. дисс. докт. ист. наук. — М., 1986.

20. Сотникова М. И. О некоторых древнереческих сюжетах на русских монетах XV века // СГЭ. — Л., 1982. — Вып. 47. С. 79—82; Токарева М. Н. Изображения на тверских монетах XV века. Дипломная работа кафедры историографии и источниковедения исторического ф-та МГУ. — М., 1970 (Рукопись).

21. Орешников А. В., Русские монеты до 1547 г. — М., 1896. — С. 66.

22. Чернецов А. В. Об изображениях кентавра, обнажающего меч // КСИА. — М., 1981. — Вып. 166. — С. 57. — Рис. 1; С. 58. — С. 59. — Рис. 2.

23. Чернецов А. В. Древнерусские изображения кентавров // СА. — 1975. — № 2. — С. 114; Арсенев Ю. В. Геральдика. — М., 1908. — С. 195, 196, 277.

24. Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, г. Юрьев-Польский. — М., 1964. — С. 118.

25. Вагнер Г. К. Указ. соч.

26. Там же. — С. 116.

27. ТНИИР—Центр (Тверской научно-исследовательский, историко-археологический и реставрационный центр). Рукописный Архив. Отчет А. Н. Холлова 1991 г. о работах в Тверском кремле: "Белоглиняный кувшин с зеленой поливкой, украшенный двумя рядами клейм с изображением грифона и человека в короне с поднятыми вверх руками." (Сюжет полета Александра Македонского на небо с грифонами А. Грабар рассматривал как апофеоз возносящегося на небо Александра и открывшей ему с высоты полета видный мир. См.: Grabar A. Le succes des orientaux a la cour byzantine sous les Macedoniens // München Jahrbuch der bildenden Kunst. — Folge 3. — Bd. 2. — München 1951. — 1.47. В этой связи интересно замечание Р. Голдмана о символическом тождестве грифона и льва. См.: Goldman R. The development of the Lion-Griffin // American Journal of Archeology. — 1960. — v. 64.—N 4.

28. Орешников А. В. Указ. соч. — С. 52. — № 321, 322.

29. Обозначение вассалитета (Орешников А. В. Материалы к русской нумизматике до царского периода (древнейшее русское изображение двуглавого орла) // Труды Московского Нумизматического Общества. — Т. 2. — Вып. 1. М., 1899. — С. 12). Восточное влияние (Савва В. Откуда двуглавый орел на деньгах Тверского великого князя Михаила Борисовича. Отдельный оттиск. 6. г. // РГАДА ф. 24781 (Библиотека); Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской Археологической экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. — Т. 2. — М., 1958. — С. 399—400. — Рис.); Известный геральдист и нумизмат XIX в. Б. В. Кёне в своей работе "Рыцарство и двуглавый орел" отдавал предпочтение западной версии появления двуглавого орла на Руси именно через Тверь (РГИА ф. 1493. оп. 1. ед. хр. 22. — Л. 3. Рукопись на франц. языке).

30. См. об этом: Лавренов В. И. Тверская геральдика XV—XIX вв. (в печати).

31. См. об этом: Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси // Триста веков искусства. Искусство Европейской части СССР. — М., 1976. — С. 241—242; Воробьева Е. В. Семантика и датировка черниговских капителей // Средневековая Русь. — М., 1976. — С. 175—183.

32. Румянцева В. В. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. — Киев, 1986. — С. 26—27.

33. Румянцева В. В. Указ. соч. — С. 51.

34. Там же. — С. 73.

35. Рындина А. В. Малоизвестный памятник Тверского искусства XV века // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. — М., 1977. — С. 220; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). — М., 1977. — С. 67; Попов Г. В. Кашинский чин и культура Твери середины XV века // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. — М., 1977. — С. 223—262; Клог Э. Указ. соч.